

Начало македонского времени в категориях древнеегипетского мировоззрения: некоторые замечания

И.А. Ладынин (Москва)

Нынешний доклад – это краткое суммирование результатов довольно долгого исследования, большая часть которых уже была опубликована ее автором в ряде статей. Будучи собраны воедино, эти результаты образуют достаточно сложную и, на наш взгляд, не лишённую интереса картину взаимодействия на этапе генезиса эллинизма между македонскими правителями и жителями подчиненного им Египта. Понятно, что в основе этого взаимодействия находилось установление реальной власти Александра над Египтом, каковое затруднительно назвать завоеванием, поскольку оно не столкнулось хотя бы с символическим сопротивлением даже со стороны находившихся в Египте персидских контингентов, не говоря о его местных жителях. Вместе с тем, относясь к Востоку как к важнейшей части своей державы и готовясь там прочно обосноваться, Александр практически ни в одной из его стран не полагался на военную силу в чистом виде. Что касается Египта, то, пожалуй, можно говорить о наличии в современной историографии времени Александра своего рода топоса особенно благожелательного отношения македонского царя к Египту. Особенно ярко этот топос развернут в трудах некоторых немецких исследователей: так, В. Эренберг еще в 1926 г. высказал мнение о том, что именно в Египте начался синтез греческой и восточной культур, отвечавший устремлениям Александра и во многом стимулированный его особенной лояльностью к египетской религии; и много позднее эта же мысль проводится в труде Ф. Шахермайра. Основания к такому восприятию короткого пребывания Александра в Египте очевидны: без сомнения, важнейшее из них – это роль, сыгранная провозглашением Александра сыном египетского божества, в становлении его царского культа. Сейчас не стоит подробно обсуждать тот очевидный факт, что царский культ Александра, несмотря на его египетские истоки, все же был адресован не его восточным подданным, а македонянам и грекам. Более существенно, что топос особого значения Египта для Александра оспаривался на материале как античных, так и египетских источников. О сугубо греческих истоках обожествления Александра в свое время писал У. Тарн; а в 1991 г. С. Бёрстайн, антиковед, подробно обращавшийся к египетскому материалу, выступил со статьей «Фараон Александр? Научный миф». По его мнению, египетские памятники Александра не дают оснований думать, что его признание фараоном состоялось по его инициативе, а не по инициативе жрецов, для которых оно было формальностью и «заполнением вакансии» сакрального правителя, санкционирующего своим существованием отправлением ритуалов.

Если суждения Эренберга и Шахермайра вообще не опираются на египетский материал, то суждение Бёрстайна использует его далеко не в полной мере. Надо сказать, что подробных обобщений данных египетских памятников начала эллинизма[, тем более

их подробного соотнесения со сведениями античной традиции], пока вообще нет в историографии. Между тем очевидно, что прежде всего на их основе нужно реконструировать реальную картину как апелляции македонских правителей к поддержке египтян, так и ответной реакции последних. При этом именно эта ответная реакция представляет интерес в связи с мотивом античной историографии, хорошо дополняющим тоpos благожелательности Александра к Египту – об энтузиазме египтян при его вступлении в страну.

Начнем наш разговор именно с этого мотива, отразившегося в свидетельствах авторов «вульгаты», т.е. традиции, восходящей к труду Клитарха Александрийского о вступлении Александра в Египет в ноябре 332 г. до н.э. Согласно сравнительно стяженному свидетельству Диодора, «Египтяне радостно приняли македонян, поскольку персы вели себя нечестиво по отношению к их храмам и правили насильственно» (*Diod. XVII. 49. 2: οἱ γὰρ Αἰγύπτιοι τῶν Περσῶν ἠσεβηκότων εἰς τὰ ἱερὰ καὶ βιαίως ἀρχόντων ἄσμενοι προσεδέξαντο τοὺς Μακεδόνας*). Курций Руф, описывая вступление Александра в Пелусий, говорит о том же самом несколько подробнее: «Египтяне, давно уже враждебно относившиеся к персидским правителям, считая, что они алчны и высокомерны, с нетерпением ожидали прибытия Александра; они с радостью приняли даже перебежчика Аминту, пришедшего к ним добиваться власти. Итак, в Пелусий, где ожидалось вступление царя, собралось множество народа» (пер. В.С. Соколова и А.Ч. Козаржевского, ред. О.В. Смыки по: [Курций Руф, 1993, с. 62]; *Curt. IV. 7. 1—2: Aegyptii, olim Persarum opibus infensi, quippe avare et superbe imperitatum sibi esse credebant, ad spem adventus eius erexerant animos, utpote qui Amyntam quoque transfugam et cum precario imperio venientem laeti recepissent. Igitur ingens multitudo Pelusium, qua intraturus videbatur, convenerat*). Весьма показателен в плане подтверждения этих свидетельств сам не вызывающий сомнений факт сдачи Александру Пелусия. В IV в. до н.э. Пелусий, вероятно, при участии греческих фортификаторов был превращен в самый укрепленный опорный пункт на востоке Дельты. Судя по тому, что в 374 г. до н. э. персы так и не смогли его взять и были вынуждены вторгнуться в Египет через мендесское устье Нила (*Diod. XV.42.2-4*), а в 343 г. Пелусий был сдан греческими наемниками лишь в безнадежной ситуации и на почетных условиях (*id. XVI.49.2-4*), эта крепость могла с успехом выдержать осаду численно превосходящего противника. О крайней трудности штурма Пелусия с моря красноречиво свидетельствуют сообщения о том, что в 306 г. до н.э. его укрепления предотвратили высадку в Египте войск Антигона (*Diod. XX.76.4*), а в 219 г. до н.э. одно известие о дополнительном усилении крепости Птоломеем IV заставило Антиоха III отказаться от плана морского вторжения в Египет (*Polyb. V.62.4-5*). На фоне данных об укрепленности Пелусия легкость, с которой он был занят Александром, приводит к заключению, что его сдача без сопротивления могла иметь место лишь по инициативе его защитников и, как, на наш взгляд, справедливо полагает А.Б. Босворт, в результате предварительного соглашения с македонским царем [Bosworth, 1980, p. 261-262]. Хотя защищать крепость должны были персы, его сдача, как вскоре после этого и

капитуляция сатрапа Мазака вблизи Мемфиса, скорее всего, были подготовлены ожиданиями египтян по поводу прихода Александра. При этом восприятие Александра, согласно античным свидетельствам, как освободителя Египта от персов подтверждается его титулом (Хоровым именем) «Защитник Египта» (*mk-Kmt*), которое зафиксировано в святилище барки Амона-Ра в Луксоре, восстановленном буквально в первый месяц после его вступления в страну.

Свидетельства как античной традиции, так и египетских памятников указывают если не на благожелательность Александра к Египту, то, во всяком случае, на его заинтересованность в легитимации своей власти согласно его традиции. Достигнув Мемфиса спустя короткое время после вступления в Египет, Александр уже участвовал там в религиозных обрядах (возможно, прошел коронационный ритуал, что отразилось в свидетельстве Арриана о его участии в ритуале в честь Аписа и в пассаже «Романа об Александре»). Данный момент чрезвычайно важен, поскольку в нем проявилась сознательность и целенаправленность легитимации власти Александра в Египте со стороны не только его агентов, но и его лично. Вспомним, что в пределах стран, вошедших в восточную державу Александра, помимо Египта, его статус был легитимирован в соответствии с местной традицией только в Вавилонии [Шахермайр, 1984, с. 170—171; Nawotka, 2010, р. 237—242]. По сути дела, Александр следовал уже устоявшейся традиции властителей ближневосточных держав I тыс. до н.э. (прежде всего своих прямых предшественников Ахеменидов) оформлять свою власть над древнейшими цивилизационными центрами – Вавилонией и Египтом – через фиктивную личную унию. «Темами» Хоровых имен Александра в его египетских титулатурах, составленных, очевидно, в течение 332—331 гг. до н.э., стали его роль освободителя и защитника Египта (*mk-Kmt* «Защитник Египта»), а затем и его наступление на персидскую державу (*ḥq3 qn tkn-ḥ3swt* «Властитель храбрый, наступающий на чужеземные страны»). Осуществлявшиеся при Александре программы храмового строительства хотя и продолжали деятельность египетских царей XXX династии, но, судя по всему, переносили заложенную в них концепцию на македонских царей: в наиболее масштабной программе, осуществлявшейся в Фивах, такая концепция, по-видимому, акцентировала сакральный статус и ритуальную роль царя, что было актуально на фоне своеобразного «падения» царской сакральности царя в I тыс. до н.э. Примечательно, что изначально в египетской пропаганде Александра мы не видим универалистской тенденции: в самом начале его власти над Египтом его титулатуры, отражающие ситуацию первого года, не утверждают его владычества над всем миром или хотя бы над всей межрегиональной азиатской державой. Затем, когда, победив Дария III, Александр и провозгласил себя его преемником и мстителем за него, лояльность к нему неожиданно проявляется в пропаганде в Египте: в стеле Вусеум 2 в 329 г. до н.э. по отношению к Дарию III употреблен титул «царь Верхнего и Нижнего Египта», со свойственными ему сакральными коннотациями. Эти наблюдения позволяют заключить, что египетская пропаганда Александра была достаточно тесно соотнесена с политической «повесткой

дня» его царствования, и изменения в последней порождали опознаваемые реплики в его египетских памятниках – во всяком случае, в течение первых лет его власти над Египтом. Вместе с тем, хотя идеологическая активность времени Александра Великого в Египте несомненна, ее значимость для македонских властей не надо переоценивать. Достаточно очевидно, что храмовое строительство времени Александра, как и в целом Аргеадов, скромно по масштабам, и на него тратилась лишь малая часть ресурсов, отводились на это при его прямом египетском предшественнике Нектанебе II. Не менее очевидны и чисто прагматические цели Александра при овладении Египтом, достижению которых была подчинена эксплуататорская деятельность его наместника Клеомена из Навкратиса.

Реакция египтян на начало македонского времени и прежде всего их отношение к царям-Аргеадам как к сакральным правителям, способным совершать ритуал, проявились наиболее явно и ярко в частных памятниках. По существу, правомерно говорить о консенсусе представителей египетской элиты в непризнании Аргеадов легитимными сакральными царями. Отчасти этот консенсус нарушается текстами египтян, возглавлявших храмовое строительство от имени македонских царей и, соответственно, упоминающих их (Анхпахереда из Фив и Джед-Хора из Атрибиса); однако в целом в частных памятниках этого времени мы видим разные проявления отказа от признания легитимности правителей, современных их владельцам. Вельможи из древних и культовых центров Гераклеополя и Ксоиса прямо переносят сакральный царский статус на богов; на предметах культовой утвари, оформление которых было исключительной и, вероятно, «неподцензурной» сферой деятельности жречества, мы видим в ритуальных сценах изображения «условных» царей, сопровождаемые пустыми картушами, при том что роль реального сакрального царя может присваиваться богу Хора; жрец Петосирис в конце IV в. до н.э. конструирует для себя в своей гробнице в Туна эль-Гебель «мир-Двойник», в котором может благополучно существовать после смерти без какого-либо ритуального «содействия» реального царя. Даже вельможа Уннефер и неизвестный нам по имени сын царя Нектанеба II, которые, возможно, предстали перед Александром при его дворе в Азии и затем оценивали этот эпизод положительно, все равно не именуют его эпитетами с недвусмысленными коннотациями сакральности.

Предпосылки столь негативного (хотя, по сравнению с некоторыми формами реакции на персидское владычество, лишенного эксцессов) отношения к македонской власти достаточно понятны: это, несомненно, присвоение реальной власти в стране македонянами и греками в ущерб египтянам и начало ее эксплуатации в пользу общеимперских интересов Александра. Однако обращает на себя внимание контраст этого «консенсуса», обнаруживающегося в египетских частных памятниках, с энтузиазмом со стороны египтян, который, по сведениям традиции «вульгаты», сопутствовал Александру при вступлении в страну. В свое время П. Каплони высказал мнение, согласно которому сторонники Александра принадлежали к «северной партии» египетской знати, связанной с XXX династией и видевшей в нем мстителя персам за ее падение, в то время как другие «партии» могли быть настроены и иначе [Kaplony, 1971, S. 257—258]. Данная

точка зрения, опирается, по сути дела, на расширительную трактовку источников, свидетельствующих, что в Египте начала македонского времени в принципе были потомки этого царского дома; однако на памятнике сына Нектанеба II (правда, сохранившемся плохо) мы не видим свидетельств какой-то подчеркнутой лояльности к македонским правителям. Возможно, первоначальный энтузиазм египтян по отношению к Александру был вызван как раз совершенно «непартийными» мотивами: владычество персов над Египтом после его завоевания Артаксерксом III оценивалось сугубо негативно, но свергнуть его без содействия внешней силы было невозможно. С одной стороны, именно такой благоприятной для Египта внешней силой и оказался Александр; с другой стороны, в 332 и, вероятно, даже в 331 г. до н.э. его конечная победа над Дарием III, а тем более полный разгром и подчинение Ахеменидской державы не казались чем-то predetermined. Скорее знатные египтяне должны были рисовать себе картину долгой и идущей с переменным успехом борьбы между двумя державами, из которых как раз Македония выглядела слабейшей. Такая длительная борьба предотвратила бы прочное подчинение Египта македонянам и, хотя бы и при формальном признании Александра его легитимным сакральным царем, обеспечила бы ему фактическую самостоятельность. Понятно, что когда – и очень скоро! – такие ожидания полностью развеялись, первоначальный энтузиазм египетской элиты по отношению к новой власти сменился своей противоположностью, и в целом эта позиция египтян должна была сохраниться и в сатрапию Птолемея, когда македонская власть в стране только упрочилась.

Вместе с тем именно период, на протяжении которого Птолемей, сын Лага был правителем Египта нецарского статуса и постепенно наращивал свою независимость в рамках эллинистической ойкумены (323—305/4 гг. до н.э.), отмечен, пожалуй, наибольшим на протяжении начала македонского времени нюансированием официальной пропаганды, обращенной к египтянам. В начале правления Птолемея в ней, похоже, проявилось его нежелание или неготовность ссориться с еще дееспособной центральной властью межрегиональной державы Аргеадов. Формальным царем Египта был провозглашен Филипп Арридей: для него была составляется титулатура, подчеркивавшая «его» роль устроителя страны (качество, которое далее будет переноситься на самого Птолемея); а египетские документы начала сатрапии Птолемея, очевидно, начиная с середины 323 г. до н.э., датировались годами формального царствования Филиппа Арридея, с предполагаемым ретроактивным отнесением к нему, согласно принципам летосчисления I тыс. до н.э., всего египетского 324/3 г. В известном смысле такой принцип датировки расходился с известным признанием наследниками Александра Великого как Филиппа Арридея, так и Александра (IV), его сына от Роксаны. Формально датировки годами только одного из этих царей соответствовали практике египетского летосчисления I тыс. до н.э., в котором датировки годами соправлений или двойные датировки неизвестны; кроме того, фактическим непосредственным преемником Александра был и в самом деле Филипп Арридей, коль скоро рождения Александра (IV) еще предстояло ожидать. Однако в то же время от имени Филиппа Арридея, без какого-

либо упоминания сына Роксаны, продолжились строительные программы, начатые при Александре. В Фивах именно тогда было реставрировано «гранитное святилище» в Карнаке: в его оформлении мы видим сцены коронации Филиппа Арридея, и по своей концептуальности оно превосходит памятники Александра (впрочем, планы его реставрации также восходили еще к XXX династии). Столь подчеркнутая легитимация на этом этапе в качестве формального царя именно Арридея, а не Александра (IV), помимо того, что последний был посмертным сыном своего отца, могла быть вызвана и тем элементарным соображением, что в македонской среде выраженными поддержкой и симпатиями должен был пользоваться не новорожденный ребенок бактрийки, а как раз сын Филиппа II и сводный брат Александра.

По-видимому, уже гибель Филиппа Арридея в 317 г. до н.э. и переход формального царского статуса к Александру (IV) вызвали в пропаганде Птолемея серьезные изменения, приведшие к определенным качественным результатам к концу 310-х гг. до н.э. Египетская царская титулатура сына Роксаны показывала, что его сакральность зависела от воплощения в нем бога Хора (концепция, восходящая еще ко времени Дария I), а сам его статус целиком и полностью определяется рождением от Александра. Очевидно, на рубеже формальных царствований Филиппа Арридея и Александра (IV) произошла «децентрализация» храмового строительства, которое теперь лишь спорадически продолжало старые программы XXX династии, а в целом, видимо, представляло собой поддержку македонской властью местных жреческих инициатив.

По-видимому, после кратковременных успехов сатрапа Птолемея в третьей войне диадохов в 312 г. до н.э. и мира между диадохами 311 г. начинается формирование специфической концепции его власти в Египте, самым ярким памятником которой является «Стела сатрапа». В ее тексте подробно говорится о деяниях Птолемея: возвращении им в Египет культовых предметов, некогда захваченных персами, перенесении столицы в Александрию, войнах в Восточном Средиземноморье и Кирене, – которые однозначно характеризуют его как самостоятельного полновластного правителя. Специальное пространное восхваление – «панегирик Птолемею», в котором наиболее акцентированы его качества воина и военачальника, – переносит на него значительное число эпитетов, как правило, употреблявшихся в иероглифических текстах в качестве царских характеристик. А центральное для текста «Стелы...» событие – закрепление Птолемеем за храмами Буто угодья под названием «Земля Уаджит» – представлено как благодеяние египетскому культу, в воздаяние за которое сатрап Египта приобретает способность внушать страх своим чужеземным врагам, в норме присущую лишь сакральным царям. В оформлении намерения «Стелы сатрапа» благодеяние храмам Буто не приписано сыну Роксаны даже на уровне формальности: соответствующий ритуал перед богом Хором совершает «условный» царь, титулы которого сопровождают пустые картуши. При этом в описание эпизода предыдущей «реституции» «Земли Уаджит» в пользу храмов Буто, которую осуществил еще в 330-е гг. до н.э. царь Хаббашем, вряд ли случайно вплетено представление о том, что наличие в земном мире правителя с царским

титолом не обязательно означает его сакральное полномочия, а реальным сакральным царем в такой ситуации может быть непосредственно бог Хор. По сути дела, те же мотивы отказа земному царю в сакральной легитимности, которые в частных памятниках обозначают оппозиционность их владельцев македонской власти, в концепции «Стелы сатрапа» ставятся на службу официальной идеологии, теперь решающей задачу умаления полноценного статуса Александра (IV) – очевидным образом, в пользу сатрапа Птолемея. В рамках этой же тенденции примыкает к «Стеле сатрапа» автобиографическая надпись на статуе «анонима из Баклии», в которой сатрапу Птолемею, по-видимому, приписывается прямое участие в жизни одного из египетских храмов и опять же способность внушать иррациональный страх. Сформированный таким образом статус сатрапа Птолемея, в котором полнота фактической власти совмещалась с элементами сакральности, представляется уникальным явлением в идеологическом развитии Египта. Однако достаточно очевиден и его временный характер и неизбежность его трансформации с течением недолгого времени в полноценный царский статус.

Одновременно формируется сложная и продуманная концепция внешней политики сатрапа Птолемея и места возглавляемого им Египта в эллинистической ойкумене. Держава Аргеадов в тексте «Стелы сатрапа» во всем ее объеме, включая Македонию, именуется термином *Sitt*, который в других контекстах «Стелы...» относится к державе Ахеменидов, а вообще в I тыс. до н.э. служит стабильным обозначением межрегиональных азиатских держав. Птолемею не приписывается напрямую противостояние с этим государством; однако оно и не считается его владением, как не утверждается в точном смысле слова и власть над ним формального сакрального царя Египта Александра (IV). Войны Птолемея в Восточном Средиземноморье и в Кирене не носят инициативного характера, вопреки древней традиции прославления экспансии Египта. На чужеземного правителя, ущемлявшего некогда интересы храмов Буто, – Артаксеркса III – переносятся коннотации, связанные с образом Сета; а внешний по отношению к Египту мир, по-видимому, вообще мыслится средоточием всего злого и враждебного, опасного при соприкосновении даже в ходе экспансии. При этом в «Стеле...» зарождается один из пропагандистских мотивов, становящийся далее стабильным в текстах царей-Птолемея, – прославление правителя, вернувшего в храмы Египта священные предметы, которые в свое время были похищены персами. Мотивы святотатств чужеземных правителей по отношению к египетским культам, опять же восходящие к образу Сета в религиозной традиции IV в. до н.э., проявляются в негативных свидетельствах о Клеомене из Навкратиса и о завоевании Египта Артаксерксом III, которые известны нам в античной передаче, но явно восходят к египетской среде. Заметим, что от дискредитации Клеомена (отчасти переходившей и на его покровителя Александра) выигрывал прежде всего Птолемей, устранивший его и представавший таким образом как более справедливый правитель Египта; что же касается святотатств персов, явно фиктивные рассказы о них вряд ли бытовали в самом начале македонского времени, так как в их свете была бы совершенно немыслима презентация

Дария III в памятнике времени Александра как легитимного царя. На наш взгляд, обе эти традиции могли сложиться в сатрапию Птолемея благодаря усилиям его пропагандистов. По-видимому, изоляционистские мотивы были для них востребованы в ситуации неудач в борьбе с Антигоном и Деметрием, невозможности ввиду этого для Птолемея успешной экспансии и опасений по поводу возможного вражеского вторжения, когда было крайне важно продемонстрировать египтянам враждебность внешнего мира и необходимость поддерживать Птолемея против него.

Подводя некоторый итог нашим наблюдениям, мы можем сказать, что египетские памятники времени Аргеадов едва ли подтверждают мнение об особенной благожелательности Александра к Египту, однако показывают стремление его и сменившего его Птолемея легитимировать македонскую власть в стране согласно ее традиции и в категориях мировоззрения ее жителей. При этом пропагандистские усилия, задействующие эти категории, не только весьма целенаправленны и не вызывают сомнений в инициативе македонских властей, но и четко артикулированы применительно к текущей политической ситуации, меняясь вслед за ней. Что же касается консенсуса египтян по поводу непризнания Аргеадов сакральными царями, он выглядит естественной компенсацией не только политического, но и цивилизационного поражения, которое они понесли, подпав под прочную чужеземную власть.